

– Э-э-э, стой, куда полез! – Илюха одёргивает меня за рукав, и я недоуменно оборачиваюсь, опуская автомат. Напарник прижимает палец к губам и утягивает меня за угол обгоревшей трансформаторной будки. Удивлённо смотрю на друга, но он без длинных объяснений коротко кивает в сторону ближайшего подъезда «хрущобы»:

– Я первым пойду. Ты за мной.

– Чё эт? – не понимаю я.

– Тебя невеста дома ждёт, вот если что, то пусть дождётся.

– Это-то тут причём?

– А при том, что чую – там они... Потому сегодня твой номер второй. Понял?

Я набычиваюсь, но подчиняюсь. Спорить с Ильёй в таких ситуациях бесполезно – упёртый, как БМП в пластилиновой грязи. Увязнешь, с ним препираясь, но ни на сантиметр в сторону не сдвинешь. Хотя внешне на боевую машину пехоты он даже приблизительно не похож. Суховатый и поджарый, как гончая, и точно так же вынослив и быстр. Я недоволю киваю и перестраиваюсь. Илья подмигивает мне и кивает на чернеющий проём подъезда. Входная дверь, расщеплённая взрывом, болтается на одной уцелевшей петле и унылым скрипом негостеприимно приглашает нас войти.

– Сука! – вдруг ору я этой двери. – Это ты во всем виновата!

Вскидываю автомат и с замесом горечи и упоения расстреливаю длинной очередью эту падлючую дверь. Она разлетается, словно разбитое зеркало, крупными кусками, и сердце моё наполняет ликование и безудержное счастье. Нам не надо идти в этот подъезд, и значит, с Илюхой всё будет в порядке!

– Во дурак! – восхищённо шепчет друг и начинает смеяться.

В ответ на смех подъезд ощеривается стволами и воздух расслаивается от плотно летящего в нас свинца. Выбитые рамы окон так близко, что я вижу перекошенные злобой лица, перебегающие силуэты, отчетливо слышу проклятья и ругань. Сегодня мы не попались в их ловушку! «Дан! Дан! Дан!» – подхватил смех Илюхин автомат. Я же в два движения меняю пустой магазин. Досылаю патрон в патронник, с удовольствием выделяя из грохота и визга лучший звук – звук готовности к бою – и рывком выглядываю из-за укрытия, тут же включаясь и поддерживая друга огнем, выхватывая врагов, с отдачей в плечо ломая их бег, судьбу, жизнь...

В ответ по щербатой от осколков стене совсем рядом чиркнула очередь, выбив кирпичные отлётыши. Несколько пуль, вспенив асфальт, уткнулись предо мной. Но, на удивление, это совершенно не пугает, а добавляет куража и адреналина. Не оставляет ощущение, что сегодня боевикам нас не достать. Да и как им с нами тягаться, если из-за соседнего дома, лязгая гусеницами, медленно выползает закоптелый танк.

– Наши... – шепчу я и машу танку рукой. В ответ он замирает. Башня разворачивается, блеснув алой звездой, и наступает мгновение тишины... А затем гремит выстрел, и проклятая пятиэтажка отзывается ему взрывом. Начинает крениться и осыпаться, накрывая визжащих врагов крошащимся бетоном, прикрывая похороны пылевой завесой. И через эту пыль цвета мышиной шкуры я вижу, как сдав назад скрывается танк, а за ним, не оборачиваясь, уходит Илья. Я окликаю его, но голос вязнет в этой плотной серой массе. Забывает рот, нос и не дает вздохнуть. Я падаю на колени, пытаюсь выплюнуть проклятый ком, но не получается. Он острой наждачкой скребёт нёбо, я задыхаюсь... и задохнувшись, тут же просыпаюсь с гулко бьющимся сердцем, с пересохшим горлом и не выкрикнутой болью.

Медленно поднимаюсь и иду на кухню. Жадными глотками пью воду, долго умываюсь, пока лицо не начинает ломить от холода, и рывком, разбрызгивая по сторонам бисер брызг, оглядываюсь на фотографию, где мы с Илюхой, обнявшись за плечи, ржём, глядя в объектив, и теперь уже я подмигиваю другу – славный бой сегодня выдался!

Одеваюсь и иду на службу.

У казармы стоит смурной сослуживец Ренат и, о чем-то размышляя, курит. Подхожу к нему:

– Рен, чего хмурый такой?

Ренат смотрит на меня, и взгляд его проясняется. Он растеряно улыбается:

– Да, понимаешь, какая штука, сон последнее время снится паскудный. Как будто иду я по Грозному, по нашим улицам, и вдруг понимаю, что пулемета при мне нет. Меня от этого прям в жар бросает. Оборачиваюсь в панике, думаю, может, у вас он. А вас тоже нет! Один я! И оружия нет... и даже гранаты нет! Как воевать? И тут голос чей-то в ухо, тихонько нащёптывать начинает: «Так мир же. Не нужен больше пулемет». Да только плохо мне... не верю я этому голосу. Снится тебе такое?

Я мотаю головой:

– Нет, Рен. Мне война иногда снится, Илюха, танки... Сегодня вот опять бой был у Минутки. Нагрузили бородатых!

В глазах сослуживца вспыхивает искренняя зависть, он смотрит на меня задумчиво, словно хочет о чём-то спросить. Затягивается, щелчком выбрасывает окурок, и выдыхает вместе с дымом лишь одно слово:

– Везунчик!